

Владимир
Набоков

**Сквозняк
из прошлого**

18+

Владимир Владимирович Набоков

Сквозняк из прошлого

Серия «Набоковский корпус»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69346603
Сквозняк из прошлого: АСТ: CORPUS; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-145125-7*

Аннотация

«Сквозняк из прошлого» (1972) – следующий после «Ады» швейцарский роман Владимира Набокова, в котором восприимчивость сознания и отзывчивость души становятся без преувеличения вопросами жизни и смерти. Трагическая любовная история героя книги Хью Пёрсона, помощника главного редактора в крупном американском издательстве, переплетается с писательскими и личными обстоятельствами его колоритного клиента мистера R. и как никогда близко подводит читателя к «главной теме» Набокова.

Роман, впервые озаглавленный по авторизованной версии русского названия, публикуется в новом переводе и сопровождается послесловием, комментариями и дополнительными материалами, освещающими его замысел.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Сквозняк из прошлого	5
1	5
2	7
3	11
4	15
5	19
6	24
7	29
8	31
9	36
10	42
11	48
12	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Владимир Набоков

Сквозняк из прошлого

Vladimir Nabokov
Transparent Things

Перевел и составил комментарии Андрей Бабиков

First published in 1972

Copyright © 1972, Dmitri Nabokov

All rights reserved

© А. Бабиков, перевод, статья, комментарии, перевод интервью, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Издательство CORPUS®

Сквозняк из прошлого

Посвящаю моей жене

1

Вот персона, которая мне нужна. Салют, персона! – Не слышит.

Если бы будущее существовало, определенно и персонально, как нечто, что мог бы различить более развитый мозг, то прошлое, возможно, не было бы столь соблазнительным: его притязания уравнивались бы притязаниями будущего. Люди в таком случае, рассматривая тот или иной объект, могли бы восседать на середине качельной доски. Было бы, пожалуй, превесело.

Но будущее не имеет такой реальности (какой обладают воспроизводимое прошлое и воспринимаемое настоящее); будущее – всего лишь фигура речи, фантом мысли.

Салют, персона! В чем дело, отстаньте от меня! Нет, я *не* пристаю к нему. Ну хорошо, хорошо. Салют, персона... (в последний раз, очень тихим голосом).

Когда *мы* фокусируем внимание на материальном объекте, независимо от его положения, самый акт концентрации способен нас невольно погрузить в его историю. Новички

должны научиться поверхностному скольжению по материи, если хотят, чтобы материя оставалась на точном уровне данного момента. Проницаемые предметы, сквозь которые просвечивает прошлое!

Объекты рукотворные, как и природные, сами по себе нейтральные, но много послужившие беспечной жизни (вам пришел на ум, и совершенно справедливо, камень на склоне холма, по которому несчетное число лет снует несметное множество мелких тварей), особенно трудно удерживать в поверхностном поле внимания: новички, радостно мурлыча себе под нос, проваливаются сквозь эту поверхность и вскоре уже с детским самозабвением упиваются историей этого камня и этой пустоши. Поясню. Природное и искусственное вещество покрыто тонкой оболочкой непосредственной реальности, и всякий, кто желает оставаться в настоящем, с настоящим, на настоящем, пусть, пожалуйста, не прорывает ее натянутой плевой. В противном случае неопытный чудотворец обнаружит, что больше не ходит по воде, а стойком идет на дно в окружении глазающих рыб. Вскоре продолжим.

Когда наша персона, Хью Пёрсон (искаженное «Петерсон», иные произносят «Парсон»), выпрастывал свое угловатое тело из такси, которое доставило его из Трюкса на этот претенциозный горный курорт, он – со все еще склоненной головой в проеме, предназначенном для появляющихся на свет карликов, – взглянул вверх, – не из признательности за любезность шофера, открывшего ему дверцу, а чтобы сравнить облик отеля «Аскот» («Аскот»!) со своим воспоминанием восьмилетней давности – одна пятая его жизни, полная скорби. Уродливое строение из серого камня и бурого дерева щеголяло вишнево-красными ставнями (не все были закрыты), которые в силу некоего *мнемоптического* подвоха запомнились ему яблочно-зелеными. Ступени крыльца с двух сторон обрамлялись парой электрифицированных каретных фонарей на стальных опорах. По этим ступеням сбегал лакей в фартуке, чтобы унести два чемодана и (под мышкой) обувную коробку – всё, что шофер проворно выставил из пасти багажника. Пёрсон заплатил проворному шоферу.

Неузнаваемый холл был, несомненно, таким же убогим, как всегда.

Оставляя у стойки подпись и паспорт, он спросил по-французски, по-английски, по-немецки и вновь по-английски, по-прежнему ли здесь старик Крониг, управляющий,

толстое лицо и фальшивую жовиальность которого он так хорошо помнил.

Консьержка (светлые волосы собраны в узел, красивая шея) сказала нет, мосье Крониг стал управляющим, представляете, «Мужестика в Фуле» (во всяком случае, так это прозвучало). В виде иллюстрации или подтверждения она показала открытку с зеленой травой, синим небом и разлегшимися в шезлонгах постояльцами. Подпись была на трех языках, без ошибок лишь на немецком. Английская гласила: *Лжачая Лужайка* – и как нарочно ложная перспектива растянула лужайку до чудовищных размеров.

«Он умер в прошлом году», прибавила девушка (анфас нисколько не походившая на Арманду), лишая фотохромный снимок «Мажестика в Куре» даже того незначительного интереса, какой он собой представлял.

«Выходит, не осталось никого, кто бы мог меня помнить?»

«Сожалею», сказала она с интонацией его покойной жены.

Девушка, кроме того, сожалела о том, что, поскольку он не помнил, какой именно номер он занимал на третьем этаже, она, в свою очередь, не могла его предоставить, тем более что все номера на третьем этаже заняты. Сжимая лоб ладонью, Пёрсон сказал, что то был один из трехсот пятидесятих, окнами на восток, солнце встречало его на коврике у кровати, хотя никакого вида из комнаты не было. Она ему очень нужна, эта комната, но закон требовал, чтобы записи уничтожались, если управляющий, даже экс-управляющий, совершал

то, что сделал Крониг (самоубийство, по-видимому, считалось формой служебного подлога). Ее помощник, красивый юноша в черном, с прыщами на подбородке и горле, сопровождал Пёрсона в комнату на четвертом этаже, с увлеченностью телевизионного зрителя глаза, пока они поднимались в лифте, на скользящую вниз сплошную голубоватую стену, в то время как, с другой стороны, не менее увлеченное зеркало лифта в продолжение нескольких ясных мгновений отражало джентльмена из Массачусетса, с продолговатым, худым, печальным лицом, слегка выступающей челюстью и парой симметричных морщин по сторонам рта, что могло бы создать впечатление сурового, с резкими чертами альпиниста, кабы скорбная сутулость не спорила с каждым вершком его королевской мужественности.

Окно выходило на восток, в самом деле, но вид из него определенно открывался, а именно на громадный кратер, полный землеройных машин (смоклавших с вечера субботы до утра понедельника).

Носильщик в яблочно-зеленом фартуке принес два чемодана и картонную коробку с надписью «Впору» на обертке, после чего Пёрсон остался в одиночестве. Он знал, что гостиница пришла в упадок, но это уже было слишком. *Belle chambre au quatrième*¹, хотя и довольно просторная для одного (но слишком тесная для нескольких человек) была лишена всякого комфорта. Он вспомнил, что комната этажом

¹ Очаровательная комната на четвертом этаже.

ниже, в которой он, тридцатидвухлетний крупный мужчина, рыдал чаще и горше, чем даже в годы своего печального детства, тоже была несуразной, но хотя бы не такой вытянутой и захламленной, как его новое обиталище. Кровать была ужасна, как дурной сон. В «ванной комнате» имелся подмывальник (такой широкий, что на него мог бы сесть цирковой слон), но самой ванны не было. Стульчак не удерживался в вертикальном положении. Кран некоторое время протестовал, с напором испуская струю ржавой воды, прежде чем уняться и покорно зажурчать приемлемой жидкостью, которую мы недостаточно высоко ценим – а ведь это текущая тайна, заслуживающая того, чтобы в ее честь, о да, возводить монументы, святилища прохлады! Покинув эту жалкую уборную, Хью благовоспитанно прикрыл за собой дверь, но она, как глупое домашнее животное, заскулила и тут же последовала за ним в комнату. А теперь позвольте нам вернуться к проницаемым предметам.

Ища комод, чтобы разложить свои вещи, Хью Пёрсон, человек аккуратный, заметил, что средний ящик старого письменного стола, отставленного в темный угол и служащего подставкой для лампы, лишенной лампочки и абажура и похожей на остов сломанного зонтика, не был задвинут как следует постояльцем или лакеем (на самом деле ни тем ни другим), – последним, кто проверил, пуст ли он (никто не проверял). Мой добропорядочный Хью расшатывающим движением попробовал вдвинуть его на место; ящик сперва артачился, а затем в ответ на обратное действие случайного рывка (который не мог не воспользоваться накопленной энергией нескольких толчков) резко открылся и выбросил карандаш. Хью оглядел его, прежде чем положить обратно.

Предмет не принадлежал к разряду великолепных шестиугольных изделий из виргинского можжевельника или африканского кедра, с оттиснутым серебряной станиолью именем производителя, а представлял собой круглый, совершенно обыкновенный, технически безликий старый карандаш из дешевой сосны, окрашенный в тускло-лиловый цвет. Его забыл плотник, который не только не починил старый стол, но даже не закончил осмотра, уйдя за инструментом, которого он так и не нашел. Теперь приступим к акту концентрации.

В мастерской плотника и задолго до этого в деревенской

школе карандаш потерял две трети своей длины. Голая древесина его конусообразного кончика потемнела до сливово-свинцового цвета, сливаясь таким образом по оттенку с притупленным грифельным острием, матовый блеск которого только и позволял отличить его от дерева. Нож и латунная точилка немало поработали над ним, и, если бы в том была нужда, мы могли бы проследить запутанную участь обрезков, каждый из которых был лиловым с одной и желтоватым с другой стороны, когда они были свежими; теперь же они распались на атомы пыли, от широкого, широчайшего рассеивания которых захватывает в панике дух, но нужно быть выше этого, к этому довольно скоро привыкаешь (есть страхи и похуже). Будучи изготовленным по старинке, он в целом был обструган гладко и без натуги. Возвращаясь на столько-то лет в прошлое (правда, не столь далекое, как год рождения Шекспира, когда был открыт графит), а затем снова прослеживая историю этой вещи в направлении «настоящего», мы видим мелко перемолотый графит, который девушки и старики смешивают с влажной глиной. Эту массу, эту паюсную икру, помещают в металлический цилиндр с голубым глазком, сапфиром, просверленным насквозь, и через это отверстие серая икра проталкивается. Она выходит одним непрерывным аппетитным стерженьком (следите за нашим маленьким другом!), который выглядит так, как будто сохранил форму пищеварительного тракта дождевого червя (но следите, следите, не отвлекайтесь!). Теперь его режут на

отрезки той длины, которая предназначена для этих карандашей (мельком мы замечаем резчика, старого Илию Борроудейла, и собираемся разглядеть его предплечье при боковом осмотре, но останавливаемся, останавливаемся и резко отступаем назад, спеша распознать интересующий нас сегмент). Смотри, как он запекается, смотри, как он варится в жиру (кадр с разделяваемым шерстистым жиродателем, кадр с мясником, кадр с пастухом, с отцом пастуха, мексиканцем) и вставляется в древесную оболочку.

Теперь, пока мы готовим древесину, не будем терять из виду наш драгоценный отрезок графита. Вот дерево! *Та самая сосна!* Вот она срублена. В дело идет только очищенный от коры ствол. Мы слышим вой недавно изобретенной мотопилы, мы видим, как сушат и обстругивают бревна. Вот доска, которая послужит интегументом карандаша в неглубоком ящике (все еще открытом). Мы распознаем его присутствие в бревне, как распознаем бревно в дереве, дерево в лесу, а лес в мире, который построил Джек. Мы распознаем это присутствие по чему-то совершенно ясному для нас, но безымянному, что так же затруднительно описать, как улыбку тому человеку, который никогда не видел улыбающихся глаз.

Таким образом вся эта маленькая драма, от кристаллизованного углерода и срубленной сосны до этого скромного орудия, этой сквозистой вещи, разворачивается во мгновение ока. Увы, сам воплощенный в конце концов карандаш,

побывавший у Хью Пёрсона в пальцах, почему-то продолжает ускользать от нас! Но Хью не ускользнет, о нет.

Это была его четвертая поездка в Швейцарию. Первая состоялась восемнадцать лет тому назад, когда он с отцом провел несколько дней в Трюксе. Десять лет спустя, в тридцать два года, он вновь посетил этот старинный городок на берегу озера, и по пути в гостиницу, в которой они тогда останавливались и которую он хотел снова увидеть, стремился ощутить (что ему удалось) сентиментальный трепет – полуудивление, полураскаянье. От нижнего, озерного уровня, где находилась безликая станция, на которую его доставил местный поезд, к ней вели крутой проулок и пролет старой лестницы. Он запомнил ее название, «Locquet», потому что оно походило на девичью фамилию его матери, канадской француженки, которую Пёрсон-старший пережил менее чем на год. Еще Хью помнил, что гостиница была унылой и дешевой и униженно соседствовала с другим, гораздо лучшим отелем, сквозь rez-de-chaussée² окна которого виднелись призраки белых столиков и подводные официанты. Оба отеля теперь исчезли, а на их месте вырос Banque Bleue³, громадное строение из стали, сплошь полированные поверхности, зеркальное стекло и растения в кадках.

Он спал в чем-то вроде полуалькова, отделенный аркой

² Первый или нижний этаж (*фр.*).

³ Синий банк (*фр.*).

и напольной вешалкой от кровати отца. Ночь всегда чудовище, но та была особенно ужасной. Хью, дома спавший в собственной комнате, возненавидел эту общую могилу сна, он мрачно надеялся, что обещание отдельных спален будет исполнено на следующих стоянках их швейцарского путешествия, смутно рисовавшегося впереди в цветистой дымке. Его отец, шестидесятилетний человек ниже его ростом и к тому же более плотный, за время своего недавнего вдовства отталкивающе состарился. Его вещам сопутствовал характерный душок, слабый, но безошибочно узнаваемый, и он всхрапывал и вздыхал, видя во сне громоздкие глыбы тьмы, от которых нужно было расчистить дорогу или через которые приходилось перебираться в страдальческих положениях немоги и отчаяния. Нам не удалось сыскать в анналах европейских туров, рекомендованных семейными докторами пожилым пенсионерам как верное средство развеять скорбь одиночества, ни единой поездки, которая достигла бы этой цели.

Руки у Пёрсона-старшего ловкостью никогда не отличались, но в последнее время то, как он шарил в пенной воде пространства, нащупывая прозрачное мыло ускользающей материи, или тщетно пытался завязать или развязать те части фабричных изделий, которые нужно было застегнуть или отстегнуть, становилось положительно комичным. Хью унаследовал долю этой неуклюжести; ее теперешнее преувеличение раздражало его, как повторная пародия. В то утро по-

следнего дня вдовца в так называемой Швейцарии (т. е. прямо перед тем событием, после которого все для него должно было стать «так называемым») старый увалень схватился с жалюзи, чтобы посмотреть, какая выдалась погода, и, успев лишь мельком увидеть мокрую мостовую, перед тем как пластинчатая штора грохочущей лавиной вновь сошла вниз, решил взять зонтик. Свернут он был кое-как, и старик принялся складывать его заново. Хью с молчаливым отворачиванием наблюдал за этим, его ноздри раздувались и подрагивали. Презрение не было заслуженным, поскольку существует множество вещей, от живых клеток до мертвых звезд, которые время от времени претерпевают случайные маленькие аварии в не всегда умелых или осторожных руках анонимных формовщиков. Нахлесты черной ткани легли как попало, и рулон пришлось сворачивать по новой, но когда застежка ленточки уже была готова к использованию (крошечный осязаемый кружок между большим и указательным пальцами), кнопка исчезла в складках и бороздах пространства. Понаблюдав некоторое время за беспомощными шарящими движениями отца, Хью так резко вырвал у него зонтик, что старик еще мгновение разминал руками воздух, прежде чем ответить на внезапную грубость мягкой извиняющейся улыбкой. Все так же не говоря ни слова, Хью яростно сложил и застегнул зонтик, который, говоря по чести, едва ли приобрел лучший вид, чем тот, какой в конце концов придал бы ему его отец.

Чем они собирались заняться в этот день? Позавтракать там, где обедали накануне, а потом отправиться за покупками и вдоволь наглядеться на достопримечательности. Местное чудо природы, водопад Тара, был нарисован на двери ватерклозета в коридоре и вдобавок воспроизведен на громадной фотографии, украшавшей стену вестибюля. Д-р Пёрсон остановился у стойки, чтобы с присущей ему суетливостью спросить, нет ли для него какой-нибудь почты (едва ли он ждал писем). После недолгих поисков нашлась телеграмма для миссис Парсон, но для него не было ничего (кроме легкого потрясения от неполного совпадения). Рядом с его локтем случайно оказалась свернутая портняжная лента, и он принялся обматывать ее вокруг своей бокастой талии, раз за разом теряя конец и объясняя при этом мрачному консьержу, что собирается купить в городе пару летних штанов и намерен взяться за дело с толком. Его болтовня вызвала у Хью такое раздражение, что он направился к выходу еще до того, как серая лента вновь была свернута.

После завтрака они подыскивали подходящий с виду магазин. Confections. Notre vente triomphale de soldes⁴. Наши опавшие плоды триумфально распроданы, – перевел отец, и Хью поправил его с усталым презрением. Перед витриной на железной треноге стояла полная корзина сложенных рубашек, не защищенная от дождя, пошедшего пуще прежнего. Раздался раскат грома. Зайдем-ка сюда, нервно сказал д-р Пёрсон, чей страх перед грозовыми разрядами был для его сына еще одним источником раздражения.

Так вышло, что в то утро Ирма, изнуренная и издерганная продавщица, одна заправляла захудалым магазином одежды, в который Хью неохотно последовал за отцом. Двух ее сотрудников, супружескую чету, только что поместили в госпиталь после пожара в их тесных апартаментах, хозяин уехал по делам, а посетителей оказалось больше, чем обычно бывает по четвергам. В эту минуту она помогала трем пожилым дамам (часть полного автобуса из Лондона) совершить покупки, одновременно объясняя блондинке-немке в черном, как пройти к тому месту, где можно сделать снимки для паспорта. Старые англичанки по очереди прижимали к груди одно и то же цветочных узоров платье, и д-р Пёрсон с увлечением принялся переводить их кокни-кудахтанье на плохой

⁴ Готовое платье. Наша триумфальная распродажа остатков (*фр.*).

французский. Девушка в трауре вернулась за забытым свертком. Раскладывались новые платья, изучались новые ярлычки с ценой. Вошел еще один покупатель с двумя маленькими девочками. Воспользовавшись паузой, д-р Пёрсон попросил подыскать ему пару широких брюк. Он получил несколько пар для примерки в смежной с залом кабине, и Хью выскользнул из магазина.

Он бесцельно прогуливался, прячась под архитектурными выступами, поскольку напрасно ежедневная газета этого дождливого городка настаивала на том, чтобы в его торговых кварталах были возведены пассажи. Он осмотрел предметы в сувенирной лавке. Он нашел довольно привлекательной зеленую фигурку лыжницы, сделанную из материала, который он не смог распознать через витрину (то был «алебастрид», имитация арагонита, вырезанная и раскрашенная в тюрьме Грумбель осужденным мужеложцем, суровым Арманом Рейвом, который задушил сестру своего друга, состоявшую с ним в кровосмесительной связи). А что сказать об этом гребешке в футляре из настоящей кожи, что сказать о нем? — о, он бы мигом засорился, и пришлось бы битый час вычищать грязь между его частыми зубчиками с помощью одного из самых маленьких лезвий швейцарского складного ножа, который оцетинился чуть дальше, обнажив свои дерзкие внутренности. Миленькие наручные часики с изображением собачонки на циферблате, всего двадцать два франка. Или, может быть, купить (для университетского соседа по комна-

те) это деревянное блюдо, в середине которого белый крест, окруженный всеми двадцатью двумя кантонами? Хью тоже исполнилось двадцать два, и он всегда был чувствителен к совпадениям символов.

Резкий трезвон и мигающий красный свет на железнодорожном переезде возвестили о надвигающемся событии: неумолимо опускался медленный шлагбаум.

Коричневая занавеска кабины была задернута только наполовину, не скрывая стройных ног в прозрачных черных чулках сидящей внутри женщины. Мы страшно спешим возвратить этот момент! Занавеска уличной кабины с чем-то вроде рояльного стула (чтобы было удобно и низким и высоким) и торговым или игровым автоматом, позволяющим сделать собственный снимок для паспорта или ради спорта. Хью поглядел на ножки и перевел взгляд на вывеску. Мужское окончание и отсутствие акута испортили непреднамеренный каламбур:

3 Photos oses

Три фотографии / три позы (*фр.*).

Пока он, все еще девственник, воображал эти смелые позы, произошло двойное событие: пронесся гром идущего без

остановки поезда, и в фотокабине сверкнула магниевая молния. Блондинка в черном, отнюдь не казенная на своем стуле электрическим разрядом, вышла, закрывая сумочку. Чьи бы похороны она ни хотела почтить образом белокурой красавицы, украшенной по случаю крепом, это не имело никакого отношения к третьему одновременному событию, произошедшему по соседству.

Надо пойти за ней, вот был бы славный урок, – пойти за ней, вместо того, чтобы глазеть на водопад: славный урок старику. Выругавшись и вздохнув, Хью пошел на попятную, что когда-то было отменной метафорой, и вернулся в магазин. Ирма позднее рассказывала соседям, что была уверена, что джентльмен ушел вместе с сыном, и поэтому, несмотря на его беглый французский, сначала не могла взять в толк, о чем этот молодой человек говорил. Сообразив наконец, она посмеялась над своей глупостью, быстро провела Хью в примерочную и, все еще от души смеясь, отдернула зеленую, не коричневую, занавеску тем жестом, который лишь в ретроспективе стал драматическим. Неурядица и смещения в пространстве всегда имеют свою комичную сторону, и мало что может быть смешнее, чем три пары брюк, спутанные в застывшем танце на полу, – коричневые штаны свободного кроя, синие джинсы, старые брюки из серой фланели. Неуклюжий Пёрсон-старший очень старался просунуть обутую ногу в зигзаг узкой штанины, когда почувствовал, что ревущий багрянец наполняет его голову. Он умер еще до того,

как коснулся пола, как если бы падал с большой высоты, и теперь лежал навзничь, одна рука вытянута, зонтик и шляпа – вне пределов досягаемости в высоком зеркале.

Этот Генри Эмери Пёрсон, отец нашего Пёрсона, может быть описан, в зависимости от угла освещения и положения наблюдателя, как благонамеренный, серьезный, приятный маленький человек или как жалкий мошенник. Немало рук заламывается во мраке угрызений совести, в темнице непоправимого. Школьник, пусть даже такой же сильный, как Бостонский душитель – покажи ладони, Хью, – не может справиться со всеми своими товарищами, когда они то и дело отпускают глумливые замечания в адрес его отца. После двух-трех неловких схваток с самыми отвратительными из них, он стал вести себя хитрее и подлее, заняв позицию молчаливого полусогласия, которая ужасала его, когда он вспоминал те времена; но, по диковинному извороту совести, осознание собственного ужаса утешало его, доказывая, что он все же не совсем чудовище. Теперь ему нужно было что-то сделать с рядом засевших в памяти неблагоприятных поступков, в которых он был повинен до этого самого последнего дня; отделаться от них было так же мучительно, как от зубных протезов и очков, оставленных ему властями в бумажном пакете. Единственный родственник, которого он смог отыскать, дядя из Скрэнтона, дал ему из-за океана совет кремировать тело в Швейцарии, а не отправлять домой; на деле же менее рекомендуемый путь оказался во многих от-

ношениях более легким, главным образом потому, что позволил Хью практически сразу избавиться от жуткого объекта.

Все были очень добры. Хотелось бы выразить особую благодарность Гарольду Холлу, американскому консулу в Швейцарии, усилиями которого нашему бедному другу была оказана всемерная помощь.

Из двух острых ощущений, испытанных молодым Хью, одно было обычным, другое – особенным. Сначала пришло общее чувство освобождения, как сильный бриз, экстатический и чистый, уносящий прочь много жизненной трухи. В частности, он был рад обнаружить в потрепанном, но пухлом бумажнике отца три тысячи долларов. Подобно многим юношам скрытой гениальности, видящим в пачке банкнот всю осязаемую толщу сиюминутных наслаждений, у него не было ни практической сметки, ни стремления заработать больше денег, ни сомнений относительно своих будущих средств к существованию (они оказались ничтожными, когда выяснилось, что наличная сумма превышала десятую часть всего наследства). В тот же день он переехал в гораздо более роскошное жилье в Женеве, заказал на обед *homard à l'américaine*⁵ и отправился на поиски своей первой в жизни потаскухи в переулок за отелем.

По оптическим и плотским причинам половые отношения менее прозрачны, чем многие другие, гораздо более слож-

⁵ Омар по-американски (*фр.*).

ные вещи. Известно, однако, что в своем родном городке он ухаживал за тридцативосьмилетней женщиной и ее шестнадцатилетней дочкой, но был бессилен с первой и недостаточно дерзок со второй. Перед нами банальный случай чрезвычайно продолжительного эротического зуда, уединенных практик, приводящих к обычному облегчению, и памятных снов. Девушка, с которой он заговорил, была коренастой, но с красивым, бледным, вульгарным лицом и глазами итальянки. Она привела его к одной из лучших кроватей в отвратительных старых меблированных комнатах, а именно в тот самый «номер», в котором девяносто один, девяносто два, почти девяносто три года тому назад по пути в Италию останавливался русский писатель. Кровать – другая, с медными шишками, – была застелена, расстелена, накрыта сюртуком и потом вновь застелена; на ней стоит полуоткрытый саквояж в зеленую клетку, а сюртук брошен на плечи путешественника в ночной рубашке, шея которого обнажена, а темные волосы взъерошены. Мы застаем его за принятием решения: что переложить из саквояжа (который он отправит вперед почтовой каретой) в заплечный мешок (который он сам понесет через горы к итальянской границе)? Он ждет, что с минуты на минуту явится его друг, художник Кандидатов, чтобы отправиться с ним в один из тех беззаботных походов, который романтики не колеблясь предприняли бы даже морозящей августовской порой; в те некомфортные времена лило еще сильнее; его сапоги были все еще мокрыми

после десятиимильной прогулки до ближайшего казино. Они стоят за дверью в позиции изгнания, а ступни ног он завернул в несколько слоев немецкоязычной газеты – ему, к слову, на немецком легче читать, чем на французском. Главный вопрос, стоящий перед ним, как быть с рукописями – доверить ли их мешку или отправить почтой в саквояже: черновики писем, незаконченный рассказ в русской тетради, переплетенной в черную ткань, фрагменты философского эссе в синей тетрадке, купленной в Женеве, и разрозненные листы писчей бумаги с набросками романа под рабочим названием «Фауст в Москве». Когда он сидит за этим сосновым столом, тем же самым, на который шлюшка нашего Пёрсона бросила свою набитую сумку, сквозь эту сумку как бы просвечивает первая страница его «Фауста» с энергичными вычерками и неряшливыми вставками фиолетовыми, черными, рептильно-зелеными чернилами. Вид собственного почерка завораживает его; хаос на странице для него – порядок, кляксы – картины, пометки на полях – кулисы. Вместо того, чтобы разбирать бумаги, он откупоривает походную чернильницу и с пером в руке подходит к столу. Но в тот же миг раздается жизнерадостный стук в дверь. Дверь распахивается и снова закрывается.

Хью Пёрсон последовал за своей случайной подругой вниз по крутой лестнице и дошел до ее любимого угла улицы, где они расстались на долгие годы. Он надеялся, что она оставит его до утра и ему не придется ночевать в гостинице,

где мертвый Пёрсон-старший маячит в каждом темном углу его одиночества, но, заметив, что Хью склонен остаться, она неверно истолковала его намерения, грубо заявив, что приведение в форму такого никчемного исполнителя займет слишком много времени, и выставила его вон. Уснуть ему, однако, мешал не призрак, а духота. Он распахнул настежь обе оконницы; они выходили на автомобильную стоянку четырьмя этажами ниже; тонкий мениск над головой был слишком тусклым, чтобы освещать крыши домов, сходящих к невидимому озеру; свет гаража выхватывал ступени пустынной лестницы, ведущей в хаос теней; все это было очень мрачным и очень далеким, и наш страдающий акрофобией Пёрсон почувствовал земное притяжение, приглашающее его воссоединиться с ночью и с отцом. Маленьким голым мальчиком ему нередко случалось ходить во сне, но знакомая обстановка оберегала его, пока, наконец, странная болезнь не отступила. Однако этой ночью, на верхнем этаже незнакомого отеля, он был беззащитен. Он закрыл окна и просидел в кресле до рассвета.

В те ночи его детства, когда у Хью бывали припадки сомнамбулизма, он выходил из своей комнаты в обнимку с подушкой и спускался по лестнице. Он помнил, что просыпался в самых неожиданных местах, на ступеньках, ведущих в подвал, или в чулане прихожей, среди галош и плащей, и хотя эти босые блуждания не слишком пугали его, мальчик не хотел «вести себя, как привидение» и умолял запираť дверь его спальни. Но из этого тоже ничего не вышло, потому что он вылезал в окно на покатую крышу галереи, ведущей к дортуарам школьного пансиона. В первый раз, когда это случилось, холод черепицы, на которую он ступил голыми подошвами, разбудил его, и он вернулся в свое темное гнездышко, обходя стулья и другие предметы скорее на слух, чем иным способом. Старый и недалекий доктор посоветовал родителям Хью обложить пол вокруг его кровати мокрыми полотенцами и расставить тазы с водой в стратегических точках, однако все это привело лишь к тому, что, обойдя в своем волшебном сне все препятствия, мальчик обнаружил, что дрожит от холода подле основания дымохода в обществе школьного кота. Вскоре после этой вылазки припадки призрачности случались все реже и практически прекратились к пятнадцати годам. Предпоследним отголоском стал странный эпизод схватки с ночным столиком. Хью

учился в колледже и делил со своим сокурсником Джеком Муром (не родственником) две комнаты в недавно построенном Снайдер-Холле. После утомительного дня зубрежки Джек был разбужен посреди ночи грохотом, доносившимся из спальни-гостиной. Он пошел посмотреть, что происходит. Хью во сне вообразил, будто его ночной столик, небольшой предмет мебели на трех ножках, позаимствованный из-под телефонного аппарата в прихожей, сам собой пустился в воинственную пляску, как на спиритическом сеансе в присутствии Хью сделал другой похожий столик, когда к нему обратились с вопросом, скучает ли вызванный дух (Наполеон) по весенним закатам на острове Св. Елены. Джек Мур увидел, как Хью, энергично свесившись с дивана, схватил и раздавил в своих объятьях безобидный предмет в нелепой попытке остановить его воображаемое движение. Книги, пепельница, будильник, коробочка леденцов от кашля полетели на пол, а терзаемое дерево стонало и скрипело в руках идиота. Джек Мур разнял их. Хью молча повернулся на другой бок, так и не проснувшись.

В течение десяти лет, которым суждено было пройти между первой и второй поездкой Хью Пёрсона в Швейцарию, он зарабатывал на жизнь всякими скучными занятиями, выпадающими на долю блестящих молодых людей, лишенных каких-либо определенных дарований или амбиций и привыкших применять лишь малую толику своих способностей к рутинным или жульническим задачам. Что они делают с другой, гораздо большей частью, как и где ютятся их настоящие фантазии и чувства, не то чтобы тайна – теперь все стало явным, – но раскрытие этого повлекло бы за собой объяснения и откровения слишком уж печальные и страшные. Только эксперты и для экспертов должны исследовать страдания духа.

Он умел умножать в уме восьмизначные числа и потерял эту способность в двадцать пять лет за несколько серых убывающих ночей во время госпитализации с вирусной инфекцией. Он опубликовал в журнале колледжа стихотворение – длинное и путаное сочинение с довольно многообещающим началом:

Восславим многоточие... Небесный
являет солнце озеру пример...

Он послал в лондонскую «Таймс» письмо, несколько лет спустя перепечатанное в антологии «Господину редактору: Сэр...», и в нем было такое место:

Анакреонт умер в восемьдесят пять лет, удушенный «винным скелетом» (как выразился другой иониец), а шахматисту Алехину цыганка предсказала, что его в Испании убьет мертвый бык.

По окончании университета он семь лет служил секретарем и анонимным помощником известного мошенника, покойного символиста Атмана, и был полностью ответственен за такие подстрочные примечания, как:

Кромлех (соотносится с «млеко», «milch», «milk») явно символизирует Великую Мать, точно так же, как менгир («mein Herr»⁶) явно мужского рода.

Еще некоторое время он подвизался на ниве канцелярских товаров, и авторучка, рекламой которой он занимался, была названа его именем: Перо Пёрсона. Что, впрочем, оставалось его высшим достижением.

В двадцать девять лет угрюмый Пёрсон поступил на службу в крупное издательство, в котором исполнял самые разные обязанности – документалиста, лазутчика, помощника редактора, литературного редактора, корректора, потатчика нашим авторам. Хмурый раб, он был отдан в распоряжение миссис Фланкард, пышной и претенциозной дамы с румя-

⁶ Мой господин (нем.).

ным лицом и глазами осьминога, огромный роман которой под названием «Олень» был принят к изданию с условием, что он будет радикально переделан, безжалостно сокращен и частично переписан. Заново сочиненные фрагменты, состоящие из нескольких страниц, вставленных здесь и там, должны были заполнить черные кровоточащие пустоты в изрядно покровсанной плоти книги между уцелевшими главами. Эту работу проделывала одна из коллег Хью, милая девушка с «хвостиком», которая вскоре покинула издательство. Писательского таланта у нее было даже меньше, чем у миссис Фланкард, и теперь перед Хью стояла тягостная задача не только выправить испорченные ею места, но и устранить недостатки, которые она проглядела. Он несколько раз пил чай с миссис Фланкард в ее очаровательном загородном доме, украшенном почти исключительно холстами ее покойного мужа: ранняя весна в гостиной, позднее лето в столовой, все великолепие Новой Англии в библиотеке и зима в спальне. Хью не стал задерживаться в этой именно комнате, потому что его не оставляло тревожное чувство, что миссис Фланкард планировала быть изнасилованной под лиловыми снежинками мистера Фланкарда. Подобно многим перезрелым, но все еще красивым дамам из мира искусства, она, казалось, совершенно не сознавала, что большая грудь, морщинистая шея и приглушенный туалетной водой запах несвежей женственности могут оттолкнуть нервного мужчину. Он издал вздох облегчения, когда «наша» книга наконец

вышла в свет.

С коммерческим успехом «Олея» Хью ожидало более престижное задание. «Мистер R.», как его называли в редакции (у него было длинное двухсоставное немецкое имя с дворянской частицей между замком и утесом), писал по-английски намного лучше, чем говорил. В соприкосновении с бумагой его английский приобретал и форму, и богатство, и показной блеск, вследствие чего некоторые менее требовательные рецензенты его приемной страны провозгласили его выдающимся стилистом.

Мистер R. был обидчивым, неприятным и невежливым корреспондентом. Их разделенным океаном отношениям – мистер R. жил преимущественно в Швейцарии или Франции – недоставало сердечности, которой сопровождалось мучительное сотрудничество с миссис Фланкард; однако мистер R., пусть, возможно, и не принадлежавший к мастерам первой величины, был, во всяком случае, настоящим художником, который на своей земле и с собственным оружием отстаивал свое право пользоваться непривычной пунктуацией, отвечающей самобытному ходу его мысли. Нашему уступчивому Пёрсону удалось без лишних хлопот подготовить к изданию одно из его ранних сочинений (в бумажной обложке), но затем последовало долгое ожидание нового романа, который R. обещал закончить до конца весны. Весна не принесла плодов – и Хью на самолете отправился в Швейцарию, чтобы обсудить положение дел с ноншалантным автором. То была

его вторая из четырех поездок в Европу.

Он познакомился с Армандой ясным днем в вагоне швейцарского поезда между Куром и Версексом накануне своей встречи с R. Хью по ошибке сел в обычный, а не скорый поезд, она же выбрала его потому, что он останавливался на полустанке, от которого ходил автобус в Витт, где у ее матери было собственное шале. Арманда и Хью одновременно устроились у окна, напротив друг друга, с той стороны вагона, которая была обращена к озеру. С другой стороны, через проход, четыре места заняла американская семья. Хью раскрыл «*Journal de Genève*»⁷.

О, она была очень хороша собой, и была бы исключительно красивой, если бы не тонкие губы. У нее были карие глаза, светлые волосы, медового оттенка кожа. Две ямочки в форме полумесяца изгибались вдоль ее загорелых щек, обрамляя печальный рот. На ней был черный костюм поверх оборчатой блузки. Она положила на колени книгу, а на нее руки в черных перчатках. Ему показалось, что он узнал это издание в мягкой обложке цвета пламени с копотью. Их знакомство состоялось по идеально банальной схеме.

Они обменялись взглядами вежливого неодобрения, когда трое американских детей принялись вытаскивать из чемодана свитера и штаны в яростных поисках чего-то, что бы-

⁷ «Женевский журнал» (*фр.*).

ло по глупости забыто в отеле (пачка комиксов, уже убран-ных шустрой горничной вместе с грязными полотенцами). Один из двух взрослых, поймав холодный взгляд Арманды, ответил на него выражением добродушной беспомощности. Пришел за билетами кондуктор.

Хью, слегка наклонив голову, убедился, что был прав: это действительно было карманное издание «Силуэтов в золотом окне».

«Одна из наших», сказал Хью с указующим кивком.

Она взглянула на книгу, лежавшую у нее на коленях, как если бы ждала от нее каких-то объяснений его замечанию. Юбка у нее была очень короткая.

«Я имею в виду, — сказал Хью, — что работаю на этого самого издателя. На американского издателя, выпустившего эту книгу в твердой обложке. Она вам нравится?»

Она ответила на беглом, но искусственном английском, что терпеть не может сюрреалистические романы поэтического рода. Ей нужен суровый реализм, отражающий наше время. Ей нравятся книги о Насилии и Восточной Мудрости. Станет ли там дальше поинтереснее?

«Ну, там есть довольно драматичная сцена на ривьерской вилле, в которой девочка, дочь рассказчика —»

«Джун».

«Да. Джун поджигает свой новый кукольный домик, и вся вилла сгорает дотла; но, боюсь, насилия там негусто; все это скорее символично, в величавой манере и, в общем, удиви-

тельно нежно при этом, как говорится в рекламной аннотации, по крайней мере, говорилось в нашем первом издании. А обложку придумал знаменитый Пол Плам».

Она, конечно, дочитает ее, как бы скучно ни было, потому что все в жизни нужно доводить до конца, как эту новую дорогу над Виттом, где у них дом, шале де-люкс, но, пока ее строят, приходится долго тащиться вверх до фуникулера Дракониты. Это «Пылающее окно», или как там она называется, ей только вчера, на день рождения, уже двадцать третий, подарила падчерица автора, которую он, вероятно — «Джулия».

Да. Прошлой зимой они с Джулией преподавали в Тичино в школе для иностранных девушек. Отчим Джулии только что развелся с ее матерью, с которой он обращался ужасно. Что они преподавали? О, хорошие манеры, ритмику — такого рода вещи.

Хью и новая неотразимая персона к этому времени перешли на французский, на котором он изъяснялся по крайней мере так же хорошо, как она по-английски. Арманда спросила, угадает ли он, кто она по национальности, и он предположил, что датчанка или голландка. Нет, семья ее отца приехала из Бельгии, он был архитектором, его убило прошлым летом, когда он руководил сносом знаменитого отеля на одном пришедшем в упадок курорте. А ее мать родилась в России, в очень благородной среде, полностью, конечно, уничтоженной революцией. По душе ли ему работа в издательстве? Не

мог бы он немного опустить эту черную шторку? Похороны заходящего солнца. Такое выражение? Нет, он это только что сочинил.

Той ночью в Версексе Хью в дневнике, который вел от случая к случаю, сделал такую запись:

«Познакомился в поезде с девушкой. Прелестные загорелые голые ноги и золотистые сандалии. Безумное желание школьника и романтическое волнение, которых никогда прежде не испытывал. Арманда Шамар. *La particule aurait juré avec la dernière syllabe de mon prénom*⁸. Кажется, у Байрона встречается “*chamar*”, что в очень благородной восточной среде значит “павлиний веер”. Очаровательно утонченная, но при этом удивительно наивная. Шале над Виттом, построенное отцом. Если вы окажетесь в этих *parages*⁹. Спросила, нравится ли мне моя работа. Моя работа! Я ответил: “Спроси меня, что я *могу* делать, а не что я *делаю*, дивная нимфа, дивный отблеск солнца сквозь полупрозрачную черную ткань. Я могу запомнить целую страницу из справочника за три минуты, но не помню собственного телефонного номера. Я могу сочинять обрывки стихов, столь же странных и новых, как ты или как что-то, что человеку предстоит сочинить лет через триста, но я не опубликовал ни единой стихотворной строчки, кроме какого-то юношеского вздора в колледже. На теннисных кортах в школе моего отца я развил со-

⁸ Частица как бы оспаривает последний слог моего имени (*фр.*).

⁹ Краях (*фр.*).

крушительный прием сервиса – укороченный задержанный драйв, – но выдыхаюсь после первого же гейма. С помощью чернил и акварели я могу изобразить озеро невиданной прозрачности, с отражением в нем всех райских гор, но не способен нарисовать лодку, или мост, или силуэт охваченного паникой человека в пылающих окнах Пламовой виллы. Я преподавал французский в американских школах, но так и не смог избавиться от канадского акцента моей матери, хотя отчетливо слышу его, когда шепчу французские слова. *Ouvre ta robe, Déjanire*, чтоб я взошел *sur mon bûcher*¹⁰. Я могу на дюйм подняться над землей и десять секунд провисеть в воздухе, но не могу взобраться на яблоню. Я получил докторскую степень по философии, но не владею немецким. Я влюбился в тебя, но ничего предпринимать не стану. Словом, я многогранный гений”. По совпадению, достойному того другого гения, книгу, которую она читала, ей подарила его падчерица. Джулия Мур, конечно, позабыла, что я переспал с ней года за два до этого. Они с матерью завязные путешественницы. Посетили Кубу, Китай и другие того же рода унылые и примитивные страны и любовно критиковали многих приятных и странных людей, с которыми там подружились. *Parlez-moi de son* отчим. Он что, *très fasciste*?¹¹ Не могла понять, почему я назвал левачество миссис R. общим

¹⁰ Расстегни свое платье, Деянира... на свой костер (*фр.*).

¹¹ Расскажите мне о вашем... очень профашистский? (*фр.*)

местом буржуазной моды. Mais au contraire¹², она и ее дочь обожают радикалов! Что ж, сказал я, сам-то мистер R. равнодушен к политике. Милашка моя сочла, что это его недостаток. Сливочно-ореховая шея с золотым крестиком и grain de beauté¹³. Стройная, спортивная, смертоносная!»

¹² Но вовсе нет (*фр.*).

¹³ Родинка (букв.: зернышко красоты) (*фр.*).

Кое-что он все-таки предпринял, несмотря на всю эту любовную самокритику. Он послал ей записку из маститого «Версекс-Паласа» за несколько минут до коктейля с самым ценным нашим автором, лучшая книга которого вам не понравилась. Могу ли я навестить вас, скажем, в среду, четвертого? К тому времени я перееду в отель «Аскот» в вашем Витте, где, как мне сказали, даже летом можно отлично покататься на лыжах. С другой стороны, главная цель моего пребывания *здесь* – выяснить, когда же старый негодяй закончит работу над книгой. Так странно теперь вспоминать, с каким волнением еще только позавчера я предвкушал, как наконец увижу великого человека во плоти.

Плоти оказалось даже больше, чем наш Пёрсон себе представлял по свежим снимкам. Когда он посмотрел в окно вестибюля и увидел его, выходящего из автомобиля, ни трубный глас славы, ни вскрик светского восторга не тронули его нервной системы, полностью поглощенной девушкой с голыми ляжками в залитом солнцем поезде. И все же какое величественное зрелище являл собой R. – тучный старик, поддерживаемый с одного бока своим красавцем шофером, а с другого – чернобородым секретарем, встречаемый двумя отельными *chasseurs*¹⁴, имитирующими на ступе-

¹⁴ Посыльные (в гостинице, ресторане); уст. слуга в охотничьей ливрее (стояв-

нях крыльца готовность немедленно и всячески услужить. Репортер в Пёрсоне отметил, что на г-не R. были замшевые туфли цвета какао, лимонная рубашка с сиреневым шейным платком и мятый серый костюм, ничем, кажется, не примечательный, – по крайней мере, на взгляд простого американца. Салют, Пёрсон! Они расположились в холле у бара.

Иллюзорность происходящего подчеркивалась внешним видом и речами двух действующих лиц. Этот монументальный господин, с его глинистым гримом и фальшивой улыбкой, и мистер Тамуорт с бородой разбойника, казалось, разыгрывали строго размеченную сцену перед невидимой аудиторией, к которой Пёрсон, манекен, все время был обращен спиной, словно его отворачивала вместе с креслом скрытая квартирная хозяйка Шерлока, – как бы он ни сидел и куда бы ни смотрел во время короткой, но изрядно сдобренной алкоголем беседы. Все это и вправду было подделкой и восковыми фигурами по сравнению с реальностью Арманды, чей образ запечатлелся в его мысленном взоре и проступал на протяжении всего представления на разных уровнях – порой вверх ногами, порой на дразнящей границе его поля зрения, но никогда не пропадающий, никогда, истинный и волнующий. Банальности, которыми он с ней обменивался, сверкали подлинностью на фоне принужденных смешков в фиктивном баре.

«Что ж, вы определенно выглядите на редкость подтяну-

ший на запятках кареты). Прямое значение – охотник, егерь, ловчий (*фр.*).

тым», с бесстыдным лицемерием заметил Хью после того, как они заказали напитки.

У барона R. были грубые черты, землистый цвет лица, бугристый нос с расширенными порами, косматые воинственные брови, пронизывающий насквозь взгляд и бульдожий рот, полный плохих зубов. Присущая ему отталкивающая изобретательность, столь заметная в его сочинениях, проявилась и в подготовленных частях его речи, к примеру, когда он, как сейчас, сказал, что отнюдь не «выглядит подтянутым» и все больше отмечает незаметно растущее сходство с кинозвездой Рубенсоном, когда-то игравшим во Флориде старых гангстеров; однако такого актера не существовало.

«И все же, как вы себя чувствуете?» – спросил Хью, развивая свой неуспех.

«Говоря короче некуда, – ответил R. (в присущей ему раздражающей манере не только щеголять затасканными выражениями на якобы разговорном английском, испорченным его иностранным акцентом, но и по-своему коверкать их), – я, знаешь, всю зиму чувствовал себя неважно. Моя печень, знаешь, что-то затаила против меня».

Он сделал большой глоток виски и, прополоскав им рот таким манером, какого Пёрсон никогда не видывал, очень медленно поставил стакан на низкий столик. Затем, à deux¹⁵ с заставившей его умолкнуть массой, он проглотил ее и перешел на свой второй английский слог – пышный слог его

¹⁵ Вместе (*фр.*).

самых памятных персонажей:

«Инсомния и ее сестра Ноктурия, конечно, донимают меня, но в остальном я крепок, как марочный лист. Ты, кажется, не знаком с мистером Тамуортом. Пёрсон, произносится Парсон, – и Тамуорт: как английская порода свиней с черными пятнами».

«Нет, – сказал Хью, – моя фамилия произошла не от “Парсон”, а, скорее, от “Петерсон”».

«Окей, сынок. А как поживает Фил?»

Они коротко обсудили энергию, обаяние и проницательность издателя.

«За исключением того, что он хочет, чтобы я писал не те книги. Он хочет... – названия романов соперника, тоже опубликованных Филом, он произносил другим, невинно-грудным голосом, – “Мальчика для утех”, но согласился бы на “Стройную блудницу”, тогда как все, что могу предложить ему я, это не “Траляля”, а первый и самый скучный том моих “Траляций”».

«Уверяю вас, что он ждет не дождется рукописи. Между прочим —»

Между прочим, скажешь тоже! Должен существовать какой-нибудь риторический термин для этого нелогичного поворота. Между прочим сквозь черную ткань открывался уникальный вид. И я между прочим сойду с ума, если она не будет моей.

«– между прочим, я вчера познакомился с девушкой, ко-

торая только что виделась с вашей падчерицей...»

«Бывшей падчерицей, — поправил мистер R. — Давно не видел ее и хотел бы, чтобы так и оставалось. То же самое, сынок» (это к бармену).

«Довольно примечательный случай. Вот сидит девушка и читает —»

«Прошу прощения», тепло сказал секретарь и, сложив записку, которую он только что нацарапал, протянул ее Хью.

«Мистеру R. претят любые упоминания мисс Мур и ее матери».

И я его не виню. Но куда же подевался знаменитый такт Хью? Витающий в облаках Хью хорошо знал положение дел, ему обо всем рассказал Фил, а не Джулия, малышка хотя и порочная, но скрытная.

Эта часть сеанса просвечивания довольно скучна, и все же мы должны закончить наш отчет.

В один прекрасный день мистер R. с помощью нанятого соглядатая установил, что у его жены Марион связь с Кристианом Пайнсом, сыном известного киношника, снявшего «Золотые окна» (будто бы основанные на лучшем романе нашего автора). Мистер R. с радостью принял это известие, потому что он сам тем временем усердно ухлестывал за Джулией Мур, своей восемнадцатилетней падчерицей, и вынашивал планы на будущее, вполне достойные сентиментального развратника, которого три или четыре брака все еще не пресытили. Очень скоро, однако, он узнал от того же сы-

щика, умирающего сейчас в душном и грязном госпитале на острове Формоза, что молодой Пайнс, красивый повеса с лягушачьим лицом, которому тоже скоро предстояло умереть, спал и с матерью, и с ее дочкой, коих он ублажал два летних сезона в Кавалере (Калифорния). Так что разлука оказалась более мучительной и полной, чем R. ожидал. Посреди всего этого нашему Пёрсону тоже посчастливилось на свой скромный лад (хотя на самом деле он был на полдюйма выше здорового R.) занять место в углу многолюдной картины.

Джулии нравились высокие мужчины с сильными руками и грустными глазами. Хью познакомился с ней на вечеринке в одном нью-йоркском доме. Несколько дней спустя они случайно встретились у Фила, и она спросила, не хочет ли он посмотреть «Умелые штучки», нашумевший «авангардный» спектакль, – у нее есть два билета, она собиралась пойти с матерью, но последней пришлось уехать в Вашингтон по судебным делам (связанным с бракоразводным процессом, как верно предположил Хью): составит ли он ей компанию?

«Авангард» в области искусства означает немногим больше, чем дань какой-нибудь дерзкой мещанской моде, и поэтому, когда поднялся занавес, Хью не удивился, увидев голого отшельника, сидящего посреди пустой сцены на треснувшем унитазе. У Джулии, предвкушавшей восхитительный вечер, вырвался смешок. Хью рискнул обхватить своей робкой лапой ее детскую ручку, которая случайно коснулась его коленной чашечки. Она была на редкость привлекательной с ее кукольным личиком, раскосыми глазами и пронзенными топазами мочками ушей, с ее худеньким телом в оранжевой блузке и черной юбке, изящными суставами рук и ног, экзотически гладкими, ровно подстриженными на лбу волосами. Не менее приятной была мысль о том, что пребывающий в своем швейцарском убежище мистер R., который

как-то похвастал репортеру, что одарен изрядной телепатической силой, должен был в этот момент пространства-времени испытать муки ревности.

Ходили слухи, что пьесу могут запретить сразу после премьеры. Группа буйных молодых демонстрантов, возмущенных вероятностью такого развития событий, ухитрилась сорвать представление, в защиту которого они выступали. Разрывы нескольких пущенных петард наполнили зал едким дымом, вспыхнули серпантины развернутых рулонов розовой и зеленой туалетной бумаги, и всех эвакуировали. Джулия заявила, что умирает от разочарования и жажды. Модный бар рядом с театром оказался забит до отказа, и «в свете райского упрощения нравов» (как R. писал по другому поводу) наш Пёрсон отвел девушку в свою квартиру. Он неосторожно спросил себя (после того, как слишком страстный поцелуй в такси заставил его пролить несколько жгучих капель нетерпения), не обманет ли он ожиданий Джулии, которую, по словам Фила, R. растлил еще тринадцатилетней, на самой заре провального брака ее матери.

Холостяцкую квартиру, которую Хью снимал на 65-й Восточной улице, для него подыскало издательство. Так вышло, что за два года перед тем именно в этих комнатах Джулия встречалась с одним из лучших своих молодых самцов. Ей хватило такта ничего не сказать, но призрак того юноши, чья смерть на далекой войне сильно потрясла ее, снова и снова возникал из ванной или рылся в холодильнике

и так странно вмешивался в скромное дельце, к которому они приступили, что она не позволила Хью расстегнуть змеевидную застежку и уложить себя на постель. После немалого промежутка времени девочка, конечно, уступила и вскоре стала помогать большому Хью в его неуклюжих любовных занятиях. Однако едва толчки и пыхтение сами собой сошли на нет и Хью, изображая довольно жалкую веселость, пошел за новой порцией напитков, образ загорелого и крепкого Джимми Мэйджера с белыми ягодицами вновь вытеснил худосочную реальность. Она заметила, что зеркало платяного шкапа, насколько можно было видеть с кровати, отражало точно такой же натюрморт с апельсинами на деревянном блюде, как и во время короткой гирлянды дней, проведенных с Джимом, ненасытным потребителем этих фруктов долгожителей. Ей даже стало немного жаль, когда, оглядевшись, она обнаружила источник видения в складках своих ярких вещей, брошенных на спинку стула.

Она в последний момент отменила их следующее свидание и вскоре после этого уехала в Европу. Их короткая связь оставила в сознании Пёрсона едва ли что-то большее, чем пятно светлой губной помады на бумажной салфетке – и романтическое ощущение, что он держал в объятиях зазнобу великого писателя. Однако время принимается за работу над этими эфемерными романами, и к воспоминанию добавляется новый привкус.

Теперь мы видим обрывок «La Stampa» и пустую винную

бутылку. Шло большое строительство.

Вокруг Витта шло большое строительство, изрезавшее и покрывшее грязью весь склон холма, на котором, как ему сказали, он найдет виллу «Настя». Ее ближайшие окрестности были отчасти приведены в порядок, образуя оазис покоя среди лязгающей и стучащей пустыни глинистых котловин и подъемных кранов. Здесь даже сиял магазин модной одежды в торговой галерее, подковой окружившей свежепосаженную молодую рябину, под которой уже был оставлен кое-какой мусор, в том числе пустая бутылка рабочего на итальянской газете. Тут Пёрсона подвела его способность ориентироваться, но стоявшая поблизости лоточница, продававшая яблоки, показала, куда идти. За ним неприятно увязалась чрезмерно дружелюбная большая белая собака, и женщина кликнула ее назад.

Он поднялся по крутой асфальтированной дорожке, проходившей вдоль белой стены, за которой высились ели и лиственницы. Решетчатая дверь в стене вела в какой-то лагерь или школу. Доносились крики играющих детей, через стену перелетел волан и опустился у его ног. Он проигнорировал его, будучи не из тех, кто подбирает вещи для незнакомцев – перчатку, покотившуюся монету.

Чуть дальше в проеме каменной стены показался короткий лестничный пролет и дверь побеленного дома с веран-

дой с надписью округлым французским курсивом: Вилла Настя. Как это часто бывает в книгах R., «на звонок никто не ответил». Сбоку от крыльца Хью заметил еще ряд ступенек, сходящих (после всего этого дурацкого подъема!) в колючую сырость самшита. Они провели его вокруг дома в сад. Обшитый досками, только наполовину построенный детский бассейн примыкал к скудной лужайке, посреди которой в шезлонге, принимая солнечные ванны, возлежала полная дама средних лет с обожженными розовыми конечностями, смазанными маслом. Поверх цельного купального костюма, в который была втиснута ее основная масса, лежало то же, бесспорно, дешевое издание «Силуэтов» со сложенным письмом (мы сочли более разумным, чтобы наш Пёрсон его не узнал), используемым вместо закладки.

Мадам Шамар, вдова Шарля Шамара, урожденная Анастасия Петровна Потапова (вполне респектабельная фамилия, которую ее покойный муж искажил до «Patarouf»¹⁶), была дочерью богатого торговца скотом, вскоре после большевицкой революции эмигрировавшего с семьей из Рязани в Англию через Харбин и Цейлон. Она давно уже привыкла развлекать молодых людей, которых капризная Арманда оставляла ни с чем, однако новый кавалер был одет как продавец и в нем было что-то такое (твой гений, Пёрсон!), что озадачило и рассердило мадам Шамар. Она предпочитала, чтобы люди соответствовали общепринятым представлени-

¹⁶ Патапуф (*фр.* пузан; толстяк).

ям. Швейцарский юноша, с которым Арманда в это время каталась на лыжах по вечным снегам высоко над Виттом, соответствовал. И близнецы Блейки тоже. И сын старого гйда, златовласый Жак, чемпион бобслея. Но мой долговязый и мрачный Хью Пёрсон, с его ужасным галстуком, вульгарно пристегнутым к дешевой белой рубашке, и невозможным каштановым костюмом, не принадлежал к тому миру, который она признавала. Когда ему было сказано, что Арманда развлекается в другом месте и, вероятнее всего, не вернется к чаю, он не потрудился скрыть удивления и недовольства. Он стоял, почесывая щеку. Подкладка его тирольской шляпы потемнела от пота. Получила ли Арманда его письмо?

Мадам Шамар ответила уклончиво-отрицательно, хотя могла бы справиться с красноречивой закладкой, но из инстинктивного материнского благоразумия воздержалась от этого. Вместо того она сунула книжку в садовую сумку. Хью машинально упомянул о своем недавнем визите к ее автору.

«Он живет где-то в Швейцарии, верно?»

«Да, в Дьяблонне, недалеко от Версекса».

«Дьяблонне всегда напоминает мне русское “яблони”. Хороший ли у него дом?»

«Ну, мы встретились в Версексе, в гостинице, а не у него дома. Мне рассказывали, что дом у него очень большой и очень старомодный. Мы обсуждали деловые вопросы. А в доме, конечно, всегда полно его, скорее, гм, легкомысленных гостей. Я подожду немного и потом иду».

Он отказался снять пиджак и отдохнуть в садовом шезлонге рядом с мадам Шамар. Он пояснил, что на сильном солнце у него закружилась голова.

«Alors allons dans la maison»¹⁷, сказала она, буквально переводя с русского.

Видя, какие усилия она прилагает, чтобы встать, Хью предложил ей помощь, но мадам Шамар резко велела ему отойти подальше от ее кресла, чтобы его близость не оказалась «психологическим препятствием». Ее неповоротливую тучность можно было сдвинуть с места только посредством одного маленького, но точного импульса; чтобы его спровоцировать, ей нужно было сосредоточиться на мысли о попытке обмануть гравитацию и подождать, пока что-то не сработает внутри, вызывая верный рывок как чудо чихания. Тем временем она продолжала неподвижно лежать в своем кресле, как бы в засаде, а на груди у нее и над лиловыми дугами пастельных бровей блестела храбрая испарина.

«В этом нет никакой нужды, – сказал Хью, – я отлично могу подождать здесь в тени дерева – правда, тень мне необходима. Никогда не думал, что в горах может быть так жарко».

Внезапно все тело мадам Шамар так вздрогнуло, что каркас ее шезлонга издал почти человеческий крик. В следующее мгновение она оказалась в сидячем положении, а обе ее ноги стояли на земле.

¹⁷ Тогда пойдем в дом (*фр.*).

«Все хорошо, – по-домашнему объявила она и встала, с внезапностью волшебного превращения закутанная в яркий махровый халат. – Идемте же, хочу угостить вас отличным холодным напитком и показать свои альбомы».

Напиток в высоком граненом стакане оказался тепловатой кухонной водой с толикой домодельного клубничного варенья, окрасившего ее в мальвовый цвет. Альбомы, четыре больших переплетенных тома, лежали на очень низком и очень круглом столике в очень современной гостиной.

«Оставляю вас на несколько минут», сказала мадам Шамар и, полностью доступная всеобщему обозрению, с тяжеловесной энергией взошла по не менее видимой и слышимой лестнице, ведущей на столь же открытый взорам второй этаж, где за одной распахнутой дверью можно было лицезреть кровать, а за другой – биде. Арманда не раз упоминала, что это произведение искусства ее покойного отца служило объектом постоянного внимания туристов из дальних стран, таких как Родезия и Япония.

Альбомы были такими же откровенными, как и дом, хотя и менее удручающими. Серия карточек Арманды, единственная, которая увлекла нашего *voyeur malgré lui*¹⁸, торжественно начиналась снимком покойного Потапова, семидесятилетнего, выглядящего настоящим щеголем с короткой седой эспаньолкой и в китайской домашней куртке, осеняющего мелким и близоруким православным крестным знаме-

¹⁸ Вуайерист поневоле (*фр.*).

нием невидимое дитя в его глубокой кровати. На снимках Арманда не только прошла через все фазы прошлого и все усовершенствования любительской фотографии, но девочка предстала также в различных состояниях невинной обнаженности. Ее родители и тетки, ненасытные производители миленьких снимков, действительно полагали, что десятилетняя девчушка, мечта лютвиджианца, имеет такое же право на полную наготу, как и младенец. Визитер соорудил из альбомов барьер, дабы скрыть пламя своего интереса от всякого, кто мог бы взглянуть с верхней лестничной площадки, и несколько раз возвращался к снимкам маленькой Арманды в ванне, прижимающей к своему блестящему животику хоботообразную резиновую игрушку, или обращенной спиной, во весь рост, с ямочками на ягодицах, ждущей, чтобы ее намылили. Еще одно откровение препубертатной мягкости (ее срединная линия была едва отличима от менее вертикальной травинки рядом с ней) явил снимок, на котором она сидела в траве в чем мать родила, расчесывая выгоревшие на солнце волосы и широко расставив, в ложной перспективе, прелестные ноги великанши.

Он услышал, как наверху в клозете спустили воду и, виновато вздрогнув, захлопнул толстый альбом. Стеснившееся в груди сердце капризно разжалось, забилось ровнее, но никто не спустился с тех inferнальных высот, и он с ворчанием вернулся к своим глупым снимкам.

К концу второго альбома фотографии заблистали крас-

ками, приветствуя яркие покровы ее подростковой линьки. Она появлялась в цветочных платьяцах, модных штанишках, теннисных шортах и купальных костюмах среди резких зеленых и синих тонов коммерческого спектра. Он открыл для себя элегантную угловатость ее загорелых плеч, долгую линию ее бедер. Он узнал, что в восемнадцать лет поток ее светлых волос ниспадал до поясницы. Никакое брачное агентство не смогло бы предложить своим клиентам столько вариаций на тему одной-единственной девственницы. В третьем альбоме он нашел, с приятным чувством возвращения домой, виды окружавшей его обстановки: лимонные и черные подушки дивана в другом конце комнаты и стеклянный Дентон-маунтовый ящичек на каминной полке с бабочкой птицекрылкой на белом гипсе. Четвертый, не до конца заполненный альбом открывался блеском ее самых целомудренных образов: Арманда в теплой розовой куртке с капюшоном, Арманда, яркая, как самоцвет, Арманда, летящая на лыжах сквозь сахарную пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.